

ДЖУЛИЯ ЭНН ЛОНГ

Любви
подвластно все

РОМАН

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Л76

Серия «Шарм» основана в 1994 году

Julie Anne Long
THE LEGEND OF LYON REDMOND

Перевод с английского *А.И. Вальтер*

Компьютерный дизайн *Э.Э. Кунтыш*

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
The Axelrod Agency и Andrew Nurnberg.

Лонг, Джулия Энн.
Л76 Любви подвластно все : роман / Джулия Энн Лонг ;
[пер. с англ. А. И. Вальтер]. — Москва : Издательство АСТ,
2017. — 320 с. — (Шарм).

ISBN 978-5-17-093403-4

Многие годы тяготеет проклятие над семействами Редмонд и Эверси. В каждом новом поколении враждующих кланов кто-то должен пострадать из-за несчастной любви.

Казалось бы, ничто не предвещало добра и на этот раз — прекрасная Оливия Эверси разбила сердце молодому Лайону Редмонду, и он бесследно исчез. А Оливия, год за годом отвергавшая всех поклонников, наконец собралась под венец с виконтом.

Но неожиданно Лайон Редмонд возвращается — уже не наивный юноша, а мужественный морской волк, прошедший через множество опасностей. И такой человек не намерен отдавать другому женщину, которую по-прежнему любит больше жизни.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-093403-4

© Julie Anne Long, 2015
© Перевод. А.И. Вальтер, 2016
© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Глава 1

Первая неделя февраля

«Она выходит замуж. Свадьба намечена на вторую субботу мая».

Девять слов, небрежно нацарапанных на листе бумаги. Он пристально смотрел на них, пока буквы не расплылись в одно неясное серое пятно. Когда же поднял голову, в ушах у него звенело, и он был потрясен — словно и впрямь совершил прыжок сквозь время (для Лайона Редмонда всегда существовала только одна единственная «она»).

Он на мгновение утратил ощущение пространства и был несколько обескуражен, обнаружив себя на палубе пришвартованного в Плимуте корабля, а не на холмах Суссекса под раздвоенным вязом с вырезанной на коре буквой «О».

Дюжина пар глаз была прикована к нему в терпеливом ожидании приказа. Его команда состояла из тщательно отобранных опытных мужчин и одной женщины — весьма разносторонней взбалмошной мисс Делфинии Дигби-Торн. Эта дама владела множеством языков и отличалась на удивление полезными сценическими способностями. Между собравшимися на судне людьми не было ничего общего, кроме неизвестного происхождения, сомнительной нравственности и непоколебимой преданности ему, Лайону, в отличие,

увы, от Оливии Эверси. Однако все они преуспевали, после того как связали с ним свою судьбу. Лайон был достаточно циничен, чтобы понимать: их преданность обусловлена процветанием, которое он им обеспечивал, — но его это нисколько не огорчало.

Слуга в ливрее, доставивший записку, принял молчание Лайона за разрешение удалиться и развернулся, собираясь уйти.

— Стоять! — приказал Лайон.

Сабли, мгновенно выхваченные его людьми, преградили посланцу путь.

— Но я безоружен, — сказал слуга, поднимая руки. — И пришел один, даю честное слово.

Губы Лайона тронула зловещая улыбка, от которой многие непроизвольно мочились в штаны.

— Пока я верю, что ваше слово действительно чего-то стоит, вам нечего опасаться. Я недавно почистил свою саблю и не собираюсь ее пачкать, по крайней мере в ближайшие несколько часов.

Эти слова вызвали смех среди его команды. Слуга робко улыбнулся, а Лайон в раздражении поморщился и тут же понял, что причина тому — стыд: он не имел обыкновения ради забавы запугивать безоружных, не представлявших опасности. Но если вспомнить давние традиции и то, как прежде обходились с теми, кто приносит дурные вести... Возможно, парню очень повезло, что он еще дышит.

— Ваше имя?

— Рамзи, сэр, — ответил слуга.

— Вы в безопасности, пока я полагаю, что вы правдиво отвечаете на мои вопросы, Рамзи.

— Да, сэр, — кивнул слуга, но тут же побледнел: вероятно, уловил скрытую угрозу.

— Кто вас послал, Рамзи?

— Прошу прощения, сэр, но лорд ла Вей сказал, что вы сразу все поймете, когда прочтете записку. Я у него на службе, сэр. — Слуга коснулся серебряного галуна на

своей ливрее и добавил: — Я выиграл жеребьевку, когда решали, кто именно отправится к вам.

— Выходит, я был призом, да, Рамзи?.. — протяжно произнес Лайон, вызвав новый взрыв смеха. — Пожалуйста, опишите мне лорда ла Вея.

Слуга наморщил лоб.

— Ну... он довольно крупный джентльмен. Возможно, такой же высокий, как вы, сэр. Он француз и часто размахивает руками, когда говорит. Вот так... — Рамзи взмахнул было руками, но тотчас их опустил, так как люди Лайона предостерегающе схватились за сабли. — В недавней схватке был серьезно ранен, но теперь уже здоров и...

Слуга продолжал, а Лайон внимательно его рассматривал, пытаясь обнаружить хоть какие-то признаки вероломства в его поведении. Ему все было известно об этой схватке и об этом ранении. Он со своей командой наткнулся на истекавшего кровью ла Вея на пристани Хорслидаун в Лондоне. Так что ла Вей перед ним в долгу.

В то же время и сам Лайон был некоторым образом обязан лорду ла Вею и его другу графу Ардмею тем, что остался жив. Они пожертвовали значительной суммой, позволив ему ускользнуть. Но в первую очередь Лайону следовало благодарить за это свою сестру Вайолет. Ради женщин мужчины готовы пойти на такое, чего при иных обстоятельствах никогда бы не сделали, находясь в здравом уме. И никто не знал этого лучше, чем сам Лайон.

— Довольно, — произнес он наконец. — Я вам верю.

Ла Вей славный малый, а Лайон отлично знал, что хороших людей в этом мире не так уж много. К тому же ла Вей единственный человек, кто знал, где найти его в данный момент. Кроме того, он один из немногих, кому были известны все три ипостаси Лайона. Разумеется, и та, что могла привести его на виселицу.

Даже если это послание ловушка, призванная заманить его обратно в Суссекс или в тюрьму, — это уже не имело значения. Ведь теперь Лайон стал человеком, способным избежать любой западни. Но скорее всего ла Вей отправил эту записку, повинувшись долгу чести.

— Лорд ла Вей — прекрасный человек, лучший из всех, кого я знаю, — добавил слуга. — Знаете, он женился на своей экономке, миссис Фонтейн.

— В самом деле? Потрясающее известие! Просто какая-то свадебная эпидемия наблюдается в Суссексе последнее время, не правда ли? — с горечью проговорил Лайон и тяжело вздохнул. — Но где же находится лорд ла Вей в данный момент?

— Полагаю, что он по-прежнему в городке Пеннироял-Грин, в Суссексе, где я его и оставил, — ответил Рамзи. — Видите ли, учитывая, что он недавно женился... В общем, ему очень понравилось это место. Замечательный городок! — воскликнул слуга, просяив.

— Неужели? — произнес Лайон с такой мрачной и горькой иронией, что все члены его команды в удивлении повернулись к нему, широко раскрыв глаза.

Он заставил своих людей встревожиться. Он и сам начинал тревожиться. Потому что впервые за долгие годы не знал, что делать.

Черт бы побрал эту Оливию Эверси! Она перевернула весь его мир с той самой минуты в бальном зале, когда обернулась к нему, улыбнулась и...

Даже сейчас, спустя столько лет, при одном лишь воспоминании об этой улыбке у него перехватывало дыхание.

В последний раз он видел Пеннироял-Грин глубокой ночью почти пять лет назад. А потом стал неустанно метаться по свету. Конечно, не только из-за тех слов, что сказала ему Оливия тогда в темном саду, под проливным дождем. Но именно эти ее слова стали причиной его полного безразличия к собственной судьбе на какое-то время. Тот период его жизни оста-

вил в его душе очень глубокие шрамы, и никто из обитателей Суссекса не видел его с тех пор. Хотя кое-кто определенно пытался...

Губы Лайона тронула едва заметная улыбка, когда он подумал о Вайолет.

Что ж, у него имелся собственный метод получать некоторые сведения о жизни тех, кого оставил. Ему многое пришлось испытать за прошедшие пять лет. Сначала он считал, что все это из-за Оливии, но теперь уже не был в этом уверен. Он пытался изгнать ее из своей жизни. Даже выбросил ее миниатюру. Но, увы, это не сработало.

И сейчас никто на свете не знал — даже его команда, — что это было его последнее плавание. Лайон предпринял столь рискованный рейд в Лондон, чтобы докопаться до сущности некой тайны... И теперь получил ответ. Как ни странно, сюрпризом для Лайона он не стал.

Но Лайон еще не был готов к окончательному решению...

«Ох, Лив...» — подумал он.

Ему вдруг стало трудно дышать; обрывки воспоминаний, а также целые картины прошлого внезапно обрушились на него — отчетливые, как цветные витражи.

Вот Оливия идет по дороге к дому Даффи, а потом вдруг бросается бежать, увидев его, ожидающего под вязом. И лицо ее светится от радости — словно даже секунда без него ей в тягость.

Он всегда вызывал в памяти эту картину в самые мрачные мгновения своей жизни.

А теперь она отдает себя другому мужчине.

Его пальцы невольно сжались, но он сдержался и не разорвал послание.

«Она...». Если ла Вей написал это слово, то, возможно, видел ее, даже говорил с ней. Или же...

Нет, он не мог этого сделать. Не мог, черт возьми!

Эти раздумья положили конец сомнениям. Редмонд сунул послание в карман и проговорил:

— Можете идти, Рамзи. Благодарю вас.

Слуга развернулся... и его словно ветром сдуло с палубы — только серебряные галуны ливреи сверкнули на солнце.

Лайон окинул взглядом свою команду и сказал:

— А мы остаемся в Англии.

Пришло время платить по счетам.

Три недели спустя...

Оливия Эверси вздохнула с облегчением, оказавшись в уютном убежище семейного экипажа на отличных рессорах. Наконец-то у нее появилась возможность побыть в одиночестве — хотя бы на недолгом пути от Сент-Джеймс-сквера до Стрэнда. Возможно, из-за того, что она стала совершенно невыносимой в последнее время, родные позволили ей отправиться одной в мастерскую мадам Марсо.

Они все вместе обсуждали вопрос: следовало ли расшить серебром ее свадебное платье, как у бедняжки принцессы Шарлотты. А может, еще и отделать бисером подол, хотя это обойдется значительно дороже. И разве тогда она не будет «сиять словно ангел» (слова ее матери)? Беседа протекала до нелепости бурно, даже проskalзывали легкие оскорбления, а ее всегда сдержанная и спокойная сестра Женевьева и вовсе хлопнула дверью, вернее — весьма решительно закрыла ее за собой, что свидетельствовало о крайней степени раздражения.

Но через несколько минут, полные раскаяния, они с извинениями бросились друг другу в объятия. Оливия знала, что отличалась вспыльчивым характером; и к тому же каким-то образом ухитрялась пробуждать все худшее в окружающих. Так что она сделала всем одолжение, отправившись к модистке одна, хотя до

сих пор так и не решила, как отделать свое свадебное платье.

Неужели никто не заметил иронии в выборе той же отделки, что и у несчастной принцессы Шарлотты? Та вышла замуж за мужчину, которого сама выбрала, а не за того, кого предпочел ее отец! Вскоре после этого она умерла в страшных мучениях при родах, погрузив всю Англию в траур.

Интересно, сколько родителей в Англии использовали Шарлотту в качестве назидательного примера для дочери: мол, видишь, что ожидает тебя, если не будешь слушаться?

Слава богу, Оливия в конечном итоге сделала разумный выбор среди многочисленных поклонников, осаждавших ее все эти годы. И все в семье одобрили ее выбор.

Она выглянула из окошка ландо, катившего среди шумной разношерстной толпы, переполнявшей Стрэнд: бродяги, лоточники, кукольники и воры-карманники сновали среди роскошно одетых мужчин и женщин с безупречным происхождением. Но пестрая разноголосица Стрэнда вполне соответствовала душевному состоянию Оливии. А еще ей нравилась мастерская мадам Марсо, очень нравилась. Это был тихий и спокойный уголок — женский рай. И только из-за многочисленных примерок она иногда чувствовала себя жертвенным тельцом, которого готовили к закланию.

Ох, ей необходимо было приобрести так много всего!.. Шелковое белье и изящные батистовые ночные сорочки. Дорожные и прогулочные платья. Костюмы для верховой езды. Перчатки лайковые и хлопчатые. Чулки шелковые и шерстяные. Бальные платья шелковые и атласные, а также всевозможные шарфы и шали, перья... и прочие украшения. В общем — лавина роскошных нарядов. «Или, возможно, заградительный вал», — подумала Оливия. Потому что отказ от всего этого наверняка

вызвал бы у нее ужасное чувство вины. Так что она даже не осмеливалась мечтать о побеге.

И дело не только в чувстве вины. Ведь почти все ее родственники должны были приехать в мае в Пеннироял-Грин, где состоится не только торжественное венчание, но и бал. «Боевое подкрепление» — так она называла всех этих родственников. Не вслух, разумеется.

Оливия, последняя из молодых Эверси, вступавшая в брак, должна была стать женой виконта. Все ее братья были женаты на необычных, выдающихся женщинах, но ни одна из них не отличалась знатностью рода. А вот сестра Женевьева вышла замуж за герцога — к тайной радости и огромному удовлетворению их отца. Потому что тем самым им удалось превзойти Редмондов, заполучивших в зятя всего-навсего графа. Но Женевьева и Фолконбридж венчались скромно, по специальной лицензии. Так что Оливия была последней надеждой семьи на пышную и торжественную церемонию. И она отлично знала, что все, кто ее любил, вздохнут с облегчением только тогда, когда она весело помашет им ручкой из кареты Ланздауна, отправляясь в свадебное путешествие. Конечно, никто не говорил ей ничего подобного, но все родственники пребывали в напряжении. Им не следовало беспокоиться — она совершенно определенно собиралась выйти замуж за виконта.

По книге записей пари в клубе «Уайтс» все представлялось иначе. О как же она устала от этих бездельников, одержимых спорами! Она не желала служить поводом для заключения пари! Но Оливия кое-чему научилась за эти годы. Она прекрасно знала: желать чего-либо и получить желаемое — это совсем не одно и то же. Даже для Эверси.

Тяжело вздохнув, Оливия откинулась на мягкую спинку сиденья, хранившую запах любимого табака ее отца, действующий на нее успокаивающе. Внезапно она вздрогнула и принялась рыться в ридикюле.

— О черт! — Там оказалось всего лишь два шиллинга, не считая мешочка со швейными принадлежностями, визитных карточек в черепаховом футляре и, конечно же, неизменного лоскутка льняной ткани, который она сложила в несколько раз еще в свои шестнадцать и который всегда находился при ней (хотя Оливия старалась этого не замечать).

Вот уже много недель Оливия исполняла своеобразный ритуал — общалась с нищими, обосновавшимися возле мастерской мадам Марсо. Заключалось же это общение в том, что она произносила в их адрес несколько добрых слов, а затем опускала им в кружки несколько монет. Нищие постоянно появлялись в этом месте, несмотря на нескончаемые попытки мадам Марсо их прогнать. Эти люди были неустрашимы как муравьи, знали, где найти средства к существованию, поэтому и искали их у состоятельных женщин, часто посещавших мастерскую модистки. Оливия же, как обычно, хотела дать им побольше, дабы таким образом исполнить свой христианский долг.

Вскоре в поле ее зрения появилась кричащая и сверкающая позолотой вывеска, раскачивавшаяся на цепях. «Мадам Марсо, модистка» — значилось на ней. Оливия выпрямилась и насторожилась. Сегодня на Стрэнде было еще более оживленно, чем обычно. Слышалось даже хоровое пение. Подумать только!

Мелодия была ей незнакома, но песня звучала весело и живо, и Оливия невольно притопывала ногой, ожидая, когда слуга отворит дверцу кареты. Затем, широко улыбаясь, вышла из экипажа.

Перед входом в мастерскую мадам Марсо расположились полукругом мужчины — человек десять. Положив руки друг другу на плечи и ритмично раскачиваясь, они весело распевали во все горло. Еще один человек, по всей видимости «дирижер», руководивший действием, расхаживал перед ними с пачкой листов в руке. Одним из них он размахивал в воздухе и громко кричал:

— Приобретайте превосходную балладу! Всего два пенса! Станьте первым, кто ознакомит своих друзей с песней, которую весь Лондон будет распевать веками!

Весьма интригующее заявление... Ведь одна из популярнейших в Лондоне песен была посвящена Колину, брату Оливии. И подобно самому Колину, избежавшему повешения, эта песня отказывалась умирать.

Годы общественной деятельности и распространения памфлетов по вопросам, близким ее сердцу — искоренение рабства и защита бедных, — побудили Оливию протянуть руку за листовкой.

Мужчина мгновение колебался, но увидев, что протянутая рука обтянута дорогой голубой лайковой перчаткой, позволил девушке взять листок.

— Два пенса, миледи, если хотите взять ее с собой, — сказал он, глядя на Оливию с надеждой.

Но она его не услышала. Оливия в ужасе замерла при виде первой строки на странице: «Легенда о Лайоне Редмонде». У нее перехватило дыхание, и сердце болезненно сжалось. Но худшее было еще впереди.

Ну кто б мог подумать — кого ни спроси, —
Что станет невестой Олив Эверси?
Пойдемте же, парни, со мной, пойдемте со мной!

На ней уж давно все поставили крест,
Но нет, она скоро идет под венец.

Все знали: ее уж ничто не проймет,
Иссохнет она и бесславно умрет.
Разве что Редмонд вернется назад
И пламя давнишней любви разожжет...

У Оливии онемели руки и ноги.

Куда, о, куда же наш Редмонд пропал?
Ну почему он отсюда бежал?

Может быть, он, оседлав крокодила,
Решил прогуляться по омутам Нила?

Иль он, бросая вызов стихии,
Бороздит на чужбине воды морские?

А может, его сожрал каннибал,
Или давно уж он в рай попал?

Неужто мисс Эверси так он страшится,
Что даже в гареме готов схорониться
И нежиться там среди шелков словно шейх?

Ошеломленная прочитанным, Оливия словно окаменела. И все это время хор продолжал петь. Она наконец-то взглянула на певцов. «У кого-то из них очень приятный баритон», — промелькнула дурацкая мысль.

Глава 2

Закрыв глаза — все равно почти ничего перед собой не видела, — Оливия подумала: «Так вот что чувствуешь, перед тем как теряешь сознание». Она никогда еще не падала в обморок.

«Но ведь все это только слова, только слова, только слова», — говорила себе Оливия. Она сделала глубокий вдох, затем медленно выдохнула, и ей стало немного легче.

А хор все еще продолжал петь.

— Так как же, миледи? — Голос мужчины прорвался в ее сознание, и Оливия поняла, что он, видимо, уже не в первый раз к ней обращался. — Миледи, всего два пенса за это замечательное сочинение.

Оливия открыла глаза и тотчас же встретила пронизательный взгляд сверкающих карих глаз. Пуговицы на камзоле мужчины едва не отрывались под мощным напором его величественного живота, а из-под кастровой шляпы выглядывали два пучка волос.

— Два пенса?.. В самом деле?.. — пробормотала она. — Весьма впечатляющее произведение. И довольно ловко срифмовано.

Мужчина просиял:

— Это мое собственное сочинение! Говорят, у меня дар. В балладе раскрывается абсолютно все. То есть все то, чем, вероятно, занимался Редмонд за время своего отсутствия. — Мужчина указал на листок. — Я узнал про шейха, крокодилов и прочее на лекции его брата, мистера Майлза Редмонда, известного исследователя.

— Какая ирония, — прошептала Оливия.

— Редмонды — очень образованная и талантливая семья, — с гордостью добавил мужчина, словно являлся их преданным слугой, а заодно и трубадуром, воспевавшим их подвиги.

— Да, верно, — согласилась Оливия. — Скажите, а шейхи действительно... «нежатся»? Видите ли, мне не удалось побывать на лекции мистера Майлза Редмонда.

— Ну... я не могу утверждать это с уверенностью. Признаюсь, здесь я дал волю воображению, а слово «нежиться» — довольно музыкально. Вам так не кажется?

— Да, оно создает определенный образ. Тем не менее... Боюсь, мне придется оспорить первую часть вашего произведения.

Собеседник тут же ошетинился.

— Миледи, на каком основании? Вы что, поэтесса?

— Я Оливия Эверси.

Мужчина замер на мгновение, после чего резко развернулся и, взглянув на хор, яростно взмахнул рукой. Певцы умолкли. Внезапно воцарившаяся тишина казалась оглушающей.

А поэт, сорвав с головы шляпу, прижал ее к сердцу и низко поклонился Оливии.

— Боже мой, неужели это вы?! — воскликнул он. — Очень приятно познакомиться с вами, мисс Эверси. Вы прекраснее весеннего дня.

— У вас определенно особая склонность к преувеличениям, мистер...

— Пиклз.

— Мистер Пиклз, — кивнула Оливия и пристально взглянула на собеседника.

А тот, как ни странно, густо покраснел и пробормотал:

— Простите меня за «Иссохнет она и бесславно умрет». Ведь я писал это... не видев вас ни разу.

— Да, несомненно.

— И я думал, это придает пафос...

— Да, это придает песне определенный драматизм, — согласилась Оливия.

Она вдруг почувствовала, что руки ее были холодны как лед, а в ушах стоял какой-то странный гул. Вероятно, ей следовало присесть. Возможно, даже прилечь.

— Да-да, драматизм, — закивал Пиклз. — Вы очень проникательная женщина, мисс Эверси, — произнес он с робкой улыбкой.

Оливия внезапно вздрогнула — кто-то, подошедший к ней сзади, выхватил злосчастную балладу из ее обтянутых перчаткой пальцев. Она резко обернулась и увидела лорда Ланздауна, своего жениха. В своем безупречном сюртуке от Уэстона, со сверкающими серебряными пуговицами, и в начищенных до блеска гессенских сапогах он выглядел виконтом до мозга костей. И от него, подобно лучам благодатного солнца, исходили дружелюбие и неоспоримая уверенность в себе, столь свойственная титулованным особам.

Оливия радостно улыбнулась ему, но он этого не заметил, так как был всецело поглощен стихотворным кошмаром, который держал в руке. И прямо на глазах лицо его менялось — становилось все мрачнее. Оливия никогда еще не видела его таким, хотя была с ним знакома многие месяцы, прежде чем они официально обручились. Впрочем, она ни разу не упоминала про Лайона Редмонда в разговорах с ним. По правде сказать, она вообще ни с кем о нем не говорила все эти годы. Одна-